

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 303

К вопросу о типологии социальной амнезии

С. П. Поцелуев

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Для цитирования: *Поцелуев С. П.* К вопросу о типологии социальной амнезии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 557–568. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.312>

Статья посвящена разработке строго очерченного понятия социальной амнезии, для чего автор предлагает общую типологию данного феномена. Отталкиваясь от концептуальных дистинкций Т. Парсонса и Д. Истона (между социальной системой и актором, с одной стороны, и социальной группой и группированием — с другой), автор выделяет три типа социальной амнезии: системную, структурную и акторную. В статье обращается внимание на трудности концептуализации акторного и структурного типа социальной амнезии, поскольку зачастую они смешиваются с организованным (предписанным) забвением или прагматикой забывания, дополняющей процесс запоминания. В рамках прояснения этих моментов анализируется опыт осмысления амнестических эффектов, порождаемых тоталитарной организацией забвения. С этой целью автор обращается к соответствующим художественным образам Дж. Оруэлла, а также к созвучным с ними понятиям Х. Арндт. В статье подчеркивается, что тоталитарная «нейролингвополитика памяти» рождает амнестические эффекты относительно прошлого прежде всего у живых его свидетелей, а не только у грядущих поколений. Относя поколенческие (помимо половозрастных, этнонациональных и т. п.) различия к уровню факторов, формирующих структурную амнезию, автор уточняет данный концепт, получивший в науке широкое, но разноречивое толкование. В этой связи в статье обсуждается существенная роль структурной амнезии в разрушении и формировании социальных идентичностей. С опорой на исследовательские кейсы по данной теме — общества Юго-Восточной Азии (П. Коннертон) и американский «плавильный котел» (А. Ассман) — автор ставит вопрос о специфике структурной амнезии как эффекта социальной модернизации и высокой мобильности в контексте формирования национальных идентичностей на уровне отдельных индивидов и обществ.

Ключевые слова: системная амнезия, структурная амнезия, факторная амнезия, социальная забывчивость, организованное забвение, социальные идентичности, социальная мобильность.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Как справедливо заметил израильский историк Г. Байнер (G. Beiner), исследования в области социальной и культурной памяти до сих пор в основном сосредоточивались на «вспоминании» (remembering) и не придавали должного значения «забыванию» (forgetting), рассматривая последнее как простое отрицание памяти, недостойное само по себе отдельного анализа [1, p. 18]. Поэтому не удивительно, что в терминологии, описывающей социальную забывчивость, царит не меньший хаос, чем в многозначной терминологии по теме памяти.

Из анализа имеющегося в научной литературе опыта типологизации (классификации) социомнемонических дефицитов можно сделать вывод, что зачастую не проводится строгого различия между собственно амнезией и другими типами забывчивости. Взаимозаменяемость термина «социальная амнезия» (или его аналогов: культурная, историческая и т. п. амнезия) с выражением «социальное забывание (или забвение)» ведет к тому, что «социальная амнезия» оказывается «концептом-хамелеоном», охватывающим весь спектр мнемонических дефицитов и модифицирующим свое значение в зависимости от контекста, в котором он используется [2, p. 2]. Чтобы этого избежать, необходима не только типология мнемонических дефицитов, в которой социальная амнезия находит свое законное место; следует также подумать о типологии самой социальной амнезии. В противном случае даже идея «амнезиологии» как особого исследовательского направления оказывается изначально двусмысленной, поскольку толкует амнезию слишком широко: как «культурное забвение» (oblivion), как все формы «забывания и забывчивости» (forgetting and forgetfulness), в том числе специально произведенные [3, p. 143].

В одной из своих работ автор предложил вариант типологии социальной забывчивости, различая *забывание*, *забвение* и *амнезию* в качестве трех ее типов [4]. Согласно данной типологии не следует путать «добровольную амнезию» (voluntary amnesia) с «намеренным забыванием» (intentional forgetting) [5, p. 10], которое создает условия для избирательного, опосредованного вниманием отношения памяти к ее объектам: на время забываем одно, чтобы лучше помнить другое. И если статус первого понятия проблематичен, то второго — вполне прозрачен. Приведем пример: немецкий антрополог С. Бакли-Цистель (S. Buckley-Zistel), исследовавшая память жителей Руанды о геноциде, потрясшем страну в 1994 г., констатировала, что спустя десять лет память об этом событии оставалась релевантной для всех опрошенных руандийцев, однако ясная картина причин трагедии исчезла у них из памяти. Бакли-Цистель называет это явление «избранной амнезией» (chosen amnesia) как «преднамеренным затмением отдельных воспоминаний, позволяющим людям избегать антагонизма и обеспечивать определенную степень сплоченности сообщества» [6, p. 131]. Однако термин «амнезия» здесь может ввести в заблуждение, если будет установлено наличие мемориальных «призраков» [7] как маркеров целенаправленного (предписанного) забвения. Эти «призраки» суть память, которая в условиях мемориальных табу проявляется молчаливой общностью живой памяти, а также оговорками, намеками, сознательными либо нечаянными провокациями и прочими нарушениями «матрицы» официальной памяти.

Цель данной работы состоит в том, чтобы предложить аргументы в пользу общей типологии социальной амнезии, а также выделить ряд проблемных точек изучения данного явления, концептуально связанных с данной типологией.

Три типа социальной амнезии

Необходимость такой типологии можно проиллюстрировать концептами вроде «сознательной» (*conscious*) (в отличие от «вынужденной» (*forced*)) [8, p. 694], «добровольной» (*voluntary*) (в отличие от «непроизвольной» (*involuntary*)) [9, p. 2200] или «искусственно конструируемой» (в отличие от «спонтанной») [10, с. 199–201] амнезии. Эти выражения как минимум парадоксальны, но могут быть прояснены посредством отнесения к определенным типам социальной амнезии. В направлении такой типологии указывает вопрос, которым резонно задаются греческие литературоведы А. Лампропулос (A. Lampropoulos) и В. Маркиду (V. Markidou) [2, p. 3]: можно ли представить себе различные «режимы амнезии», которые сопоставимы с «режимами памяти»? Мы предлагаем типологизировать проявления социальной амнезии в зависимости от уровня социальных факторов, рождающих амнестические эффекты. Таких уровней можно выделить как минимум три: 1) системные характеристики социума, в котором действуют социальные акторы; 2) структурные характеристики социальных акторов, действующих внутри этого поля, и 3) субъективные установки самих социальных акторов, реализуемые ими стратегии действия. В зависимости от этих факторов мы выделяем три типа социальной амнезии: *системную, структурную и акторную*.

Предлагаемая типология опирается на две базовые дистинкции, относящиеся к социальной онтологии. *Во-первых*, это акцентируемое Т. Парсонсом различие между «актором как единицей социальной системы и системой как таковой» [11, p. 179]. Причем под актором здесь подразумевается как индивид, так и коллектив (группа) индивидов: «... в обоих случаях актор внутри системы отсчета будет рассматриваться как действующий в ситуации, состоящей из других акторов-единиц внутри той же системы отсчета» [11, p. 179]. Соответственно, различие между социальной системой и социальным актором мы кладем в основу различия между системной амнезией, с одной стороны, и структурной и акторной амнезией — с другой.

Во-вторых, мы опираемся на восходящее к Д. Истону различие между социальными группами (*group*) и группированиями (*grouping*) — с учетом того, что само по себе наличие общих структурных характеристик у какой-то совокупности (скопления) индивидов еще не делает последнюю социальным актором. Под структурными характеристиками мы понимаем примерно то же самое, что Д. Истон называет характеристиками социальных группирований, отличая их от организованных социальных групп. А это не только классификация индивидов по формальным организациям, к которым они принадлежат, но прежде всего их «принадлежность к одним и тем же возрастным, половым, профессиональным, экономическим, социальным, религиозным, родственным и другим группированиям» [12, p. 186]. Само наличие характеристик, общих для социальных группирований, задает объективную структуру социальных ситуаций, которую, с одной стороны, следует отличать от общих системных характеристик социума, а с другой — от сферы сознательных, планируемых действий отдельных людей и организаций. Ведь в отличие от организованных групп, в социальные группирования индивиды — как подчеркивает Истон — попадают «в результате обладания определенными общими социальными характеристиками, а не в результате общих усилий для достижения коллективных целей» [12, p. 186].

Различие между социальными группированиями и группами маркирует для нас различие между структурной и акторной амнезией: если социальные группирования отражают специфику структурной амнезии, то социальные группы — амнезии акторной.

Упомянутое различие между типами социальной амнезии можно пояснить на примере бедности, которая, как и амнезия, является дефицитом, но только не памяти, а материальных средств. Но факторы, ведущие к бедности, могут располагаться на разных уровнях. Бедность может быть следствием системных характеристик данного общества: отсутствие полезных ископаемых на территории его проживания, отсталость экономики, слабость материально-технической базы и т. д. Но бедность может быть эффектом структурных характеристик социального актора (индивида и/или группы): его классовой, поколенческой, профессиональной, религиозной, этнической и пр. принадлежности. Наконец, бедность может быть результатом целеполагания отдельных людей: какой-то гражданин беден, потому что духовные вещи ценит выше, чем материальные, и т. д.

В чем польза такой типологии социальной амнезии? Прежде всего в ее критической функции. Данная типология позволяет идентифицировать идеологические попытки выдать один тип социальной амнезии за другой. В этом случае утрата памяти о прошлом может представляться как инициированная политическими акторами, хотя по факту она может быть прежде всего эффектом системных или структурных факторов. Или наоборот: акторы могут скрывать свою решающую роль в достижении амнестических эффектов, списывая все на специфику «системы». В методологическом плане предлагаемая типология помогает систематизировать многообразные проявления социальной амнезии, наблюдаемые эмпирически. Конечно, с учетом природы идеальных типов каждый конкретный случай социальной амнезии может быть отчасти и стратегией социального актора, и структурной чертой, и нечаянным системным эффектом. Однако для каждого конкретного кейса можно идентифицировать его ведущий типовой признак, а значит, лучше, чем при чисто феноменологическом описании, понять его суть.

Амнестические эффекты организованного забвения

Концептуализация системной амнезии относительно проста, поскольку она основывается на широко признанном отличии социальной системы от социального актора. Сложнее обстоит дело с типовым различием акторной и структурной амнезии, поскольку первая часто смешивается с организованным (или предписанным) забвением, а вторая — с прагматикой забывания как оборотной стороной запоминания.

Системная амнезия — хотя ее конечными носителями выступают эмпирически наблюдаемые индивиды — вызывается прежде всего не их целенаправленным поведением, а общими свойствами социальной системы, в которой они действуют. Р. Якоби (R. Jacoby) называет такую амнезию «памятью, вытесненной из сознания социальной и экономической динамикой данного общества» [13, р. 4]. Под этой динамикой американский историк подразумевает систему капиталистического «овеществления» (reification), ссылаясь на известный тезис «Диалектики Просвещения»: «всякое овеществление есть забвение» [14, S. 243]. Сходный феномен

британский антрополог П. Коннертон (P. Connerton) называет «запланированным устареванием»: поскольку постоянное ускорение потребительских инноваций производит все большее количество быстро устаревающих товаров, постольку забывание относительно недавно появившихся объектов потребления является «встроенным» компонентом рыночной системы [15, p. 67]. Это забывание является, однако, лишь выражением более общей тенденции: «...тотальная рыночная система не просто замалчивает проблемы своей собственной истории; в значительной степени она даже стирает ее» [16, S. 30].

«Акторная амнезия» в нашем понимании относится к целеполаганию индивидов и групп, действующих внутри социальных систем. Однако эта амнезия отнюдь не совпадает с «массированной целенаправленной организацией амнезии», отличающейся к тому же «жесткостью и масштабами культурных запретов» [10, с. 199–201]. Последнее — как мы отмечали выше — есть маркер не столько амнезии, сколько предписанного забвения с его мемориальными призраками. При акторной же амнезии забывается и сам факт забвения исторического прошлого, когда уже не нужны никакие политические табу, чтобы люди не помнили. Другое дело, что предписанное (организованное) забвение может в качестве одного из своих эффектов иметь полное исчезновение из памяти каких-то фактов (событий) прошлого. И тогда можно говорить об (акторной) амнезии.

Хотя «организация» забвения может рождать амнестические эффекты, опыт этот не лишен иронических сюрпризов. Ведь подобно тому, как «не все то забыто, что мы считаем забытым» [17, с. 306], так далеко не все вспоминается из того, что мы считаем сохранным в памяти. Случается и так, что волевой акт (стремление нечто забыть) как бы попадает мимо цели, и «в то время как намеренно я хотел забыть одну вещь, я забыл — против своей воли — другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного, неспособность вспомнить обнаружилась на другом» [17, с. 205]. Причем это, по-видимому, характеризует не только отдельных индивидов, но и целые (со)общества. В этом смысле амнестические эффекты предписанного забвения невозможно спланировать, сконструировать и организовать в том же смысле, в каком организуются коллективные действия, в том числе в мнемонической сфере.

Для пояснения этого момента обратимся к осмыслению тоталитарной амнезии, с одной стороны, в художественных образах Дж. Оруэлла, а с другой — в удивительно созвучных с ними научных понятиях Х. Арендт.

В текстах Оруэлла первейшим средством организации забвения выступает толкование прошлого в духе актуальной политики, которая этому прошлому, как и живой памяти о нем, грубо противоречит. Так, Стукач-пропагандист из «Скотного двора» постоянно продуцирует аргументы и нарративы, которые семантически «склеивают» прошлые слова-заповеди с грубо противоречащими им актуальными решениями властей. Но важно, чтобы это «постфактическое» толкование не получало конкуренции со стороны других интерпретаций. Поэтому рядом с фигурой Стукача всегда находятся свирепые псы вождя-Наполеона, готовые растерзать любого носителя альтернативного мнения. Но это принятие еще не есть амнезия. Чтобы полностью усыпить память, надо еще больше ослабить логику и вообще всю когнитивную сферу. На это работают прочие средства организации забвения: упрощение вдалбливаемой безальтернативной доктрины («семь заповедей можно свести к одному постулату» [18, с. 27] и тем самым забыть заповеди) и вездесущность ее

безудержного повторения. Языком аллегорических образов Оруэлл высказывает ту же мысль, что и авторы «Диалектики Просвещения» [14, S.156] — мысль о власти нейролингвистических способов управления аудиторией: «монотонии» и «фотологического доказательства» (хотя немецкие философы стремились передать суть амнезии «позднего капитализма», а не сталинского тоталитаризма, как Оруэлл).

Наконец, сюда добавляется самый грубый прием организации забвения: переписывание прошлых текстов и размещение в сознании альтернативной памяти о вымышленных событиях. Вместе с другими приемами данное мошенничество срабатывает: изошренная герменевтическая аргументация с подкрепляющим ее террором и принципом «товарищ Наполеон (или Большой Брат) всегда прав» провоцирует акторную амнезию. Причем амнезия рождается здесь, заметим, не у грядущих поколений, а у свидетелей прошлого, на глазах которых оно переписывается (забывается). Персонажи «Скотного двора» воспринимают альтернативный факт (подкорректированные заповеди в роли первоначальных) как реальность, которую они «забыли», а теперь как бы «вспомнили». Так работает инсталлированная память. Она не предлагает себя как реальность, в которую просят поверить; она предъясняет себя как свидетельство когнитивной неполноценности ее реципиентов. («Стукачу быстро удалось убедить, что *их подводит память*» (Курсив мой. — С. П.) [18, с. 57]). Успешное функционирование такой «нейролингвополитики памяти» означает, что властью реализована общая формула социальной амнезии: «Прошлое подчищено, подчистка забыта, ложь стала правдой» [18, с. 136].

В данной формуле уже заложена взаимообусловленность снижения мнемонических и прочих когнитивных способностей акторов. И собственно амнестический эффект связан здесь не столько с альтернативным нарративом, сколько с разрушением (обесцениванием) нарративной формы как таковой, чему в существенной мере способствует террор. Британский политолог П. Веровчек (P. Verovšek), называя тоталитаризм (со ссылкой на Х. Арендт) «организованным забвением» (organized oblivion), замечает, что «забывчивость, необходимая для тоталитаризма как на уровне индивида, так и на уровне сообщества, создает разрыв в повествовательной нити, связующей прошлое с будущим» [19, p. 399].

Акцентируем различие организованного забвения и акторной амнезии в художественной концептуализации данной темы у Оруэлла: амнезия («зыбкость прошлого» как дополнение к «двоемыслию») коррелирует с террором в отношении «распыленных, а следовательно, никогда не существовавших людей» [18, с. 99, 111]. Х. Арендт сходным образом говорит о тоталитарных «рвах забвения», подчеркивая, что «террор принуждает к забвению» [20, с. 575]. В «Банальности зла» Арендт отмечает «дырявую память» Адольфа Эйхмана, усматривая в этом не симуляцию, а реальную деградацию данной когнитивной способности нацистского функционера. Память Эйхмана, по словам Х. Арендт, уподобляется записи на пленку, существующей как бы независимо от мыслительного процесса, или подобна «складу, забитому историями самого худшего типа» [21, с. 131]. Это звучит как вольная цитата из характеристики памяти оруэлловского героя из «1984»: «Память старика была просто свалкой мелких подробностей» [18, с. 149]. Но превращение памяти в «свалку» есть первый шаг к ее ослаблению. Неслучайно известные немецкие историки Ян и Алейда Ассманьи квалифицируют такое когнитивное состояние и как *забвение* путем «складирования» [22, с. 23], и как «накопительную *память*» [23, с. 55]. Не-

мецкий медиавед Н. Аскитас (N. Askitas) резонно советует в этой связи специально подумать о разнице между складированием/накоплением (storing) и собственно запоминанием (remembering) информации, равно как между ее простым удалением и настоящим забыванием [24, p. 136]. Ведь память есть нечто большее, чем простое собрание сведений; она есть избирательное, творческое обращение с информацией, чему как раз способствует нарратив.

Будучи эффектом (нередко нечаянным) сознательного (предписанного, организованного) забывания/забвения, акторная амнезия относится к живой памяти соответствующих индивидов и групп. Когда же мы говорим об амнезии на прошлое, которое становится «преданьем старины глубокой» для последующих поколений, это уже пример не акторной, а структурной амнезии. Поколение как структурный фактор, относящийся не к социальной группе, но группированию, существенно меняет восприятие прошлого, переводя его из разряда живой памяти в статус памяти исторической (объективированной). В свое время М. Хальбвакс заметил, что забвение обществом многих событий «вызвано не желанием забыть их, не антипатией, отвращением или безразличием, а исчезновением тех групп, которые хранили память о них» [25]. Здесь — истоки феномена, который под именем «поколенческой амнезии» можно считать разновидностью амнезии структурной.

Структурная амнезия как предпосылка формирования социальных идентичностей

Хотя концепт «структурной амнезии» достаточно популярен в научной литературе, употребляется он нестрого и зачастую двусмысленно. В одних случаях структурная амнезия приравнивается к «социальной амнезии», а последняя — к любым осозанным и целенаправленным актам забывания [26, p. 57]. В других — описывается еще более абстрактными сентенциями вроде «изобретение нового автоматически означает забывание старого» [27, p. 343]. Между тем важно отдавать себе отчет в том, *что* делает структурную амнезию собственно амнезией и в чем состоит ее отличие от других типов социальной амнезии.

Заметим, что концепт «структурной амнезии» стал популярным в научной литературе после статьи австралийско-британского антрополога Дж. Барнса (J. Barnes), посвященной коллекции генеалогий в африканском матрилинейном обществе [28, p. 52]. Но в своей трактовке структурной амнезии Барнс ссылается на более раннюю работу британских антропологов Артура и Джералдин Калвик (A. and G. Culwick), которые определяют данный феномен как ситуацию, при которой «человек склонен помнить только те связи в своей родословной, которые являются для него социально значимыми и которые непосредственно “помещают” его в умы его слушателей» [29, p. 180]. Впрочем, еще Э. Эванс-Причард в своей классической работе о нуэрах обращает внимание на сходную ситуацию, когда «в генеалогические древа включают только важных предков, тогда как на малозначительных предков (т. е. таких, которые не передают своего имени группе потомков) не обращают внимания, и имена их в конце концов забываются» [30, с. 174]. Примечательно, что в заимствованном у Барнса определении структурной амнезии П. Коннертон опускает его заключительную часть, касающуюся слушателей. Между тем здесь речь идет о *взаимном* признании, для чего как раз и нужны знания, которые суть предмет *общей*

памяти общающихся членов сообщества. Поэтому память участников общения должна быть «выровнена» посредством амнезии как бесследного, безвозвратного выбрасывания из сознания всех препятствующих этому моментов.

Причем не только отдельные люди склонны совершенно забывать социально нерелевантные сюжеты своей родословной, но также целые поколения, страны, сообщества. Так, память о советском опыте «интернационализма» становится неуместной для многих постсоветских стран, охваченных сегодня нациестроительством в условиях этнократических режимов. В этой связи возникает вопрос, не является ли структурная амнезия лишь частным случаем (эпизодом) того забывания, которое Коннертон называет (в качестве отдельного типа) «основополагающим в формировании новой идентичности» [15, р. 62–63]. Этот тип, по словам британского антрополога, предполагает отказ человека от воспоминаний, которые не служат никакой практической цели в поддержании его текущей идентичности и в реализации его актуальных целей. И случай прагматичного переосмысления родства в обществах Юго-Восточной Азии, который приводит сам Коннертон, может одновременно служить типичным примером структурной амнезии в указанном выше смысле.

Немецкий историк А. Ассман анализирует еще один классический случай структурной амнезии — практику американского «плавильного котла». В нем обретение американской идентичности оплачивается ценой забвения прежней идентичности. Под этим — подчеркивает А. Ассман — подразумевается не «предписанное забвение», но амнезия: память о прошлой жизни иммигранта «постепенно тускнеет благодаря национальным ритуалам “плавильного котла”» [31, с. 92], он «сжигает за собой все мосты и начинает жизнь с чистого листа» [31, с. 122].

Важно отметить, что во всех упомянутых случаях структурной амнезии последняя выступает одновременно, с одной стороны, практикой разрушения прежней идентичности, а с другой — условием формирования идентичности новой. Это очевидно не только в случае американского «плавильного котла». И в условиях высокой степени мобильности между островами в Юго-Восточной Азии, отмечает П. Коннертон, было уже не так важно помнить о предках, оставшихся на других островах, чья идентичность стала неуместной в новых условиях. Вместо этого становится крайне важно создавать родство через формирование новых связей, не обязательно кровнородственных. Память о ставшем неудобным родстве сменяется амнезией на это родство. Причем это именно структурная амнезия, а не целенаправленное забывание или предписанное забвение, поскольку речь идет о забывчивости, которая, как подчеркивает Коннертон, не признается ее носителями, будучи лишь постепенной и неявной. На нее не обращают особого внимания, и вместе с тем она необходима, поскольку «является частью активного процесса создания новой и общей идентичности в новой обстановке» [15, р. 63].

Приведенный Коннертоном пример открывает иной (собственно амнестический) аспект того, что Х. Арендт называла «рвами забвения» в тоталитарном обществе. Амнезия есть эффект не только террора, но и высокой социальной мобильности. Эта мобильность сопровождала тоталитарную модернизацию не в меньшей степени, чем «нетоталитарную», — таков, например, был период индустриализации и коллективизации в СССР. И это рождало амнезию на системы традиционных отношений у бывших подданных Российской империи, формируя новые горизонтальные связи, а вместе с ними — и новую, советскую гражданско-национальную

идентичность. Хотя этот процесс в дальнейшем забуксовал и оборвался развалом СССР, он был вполне осязаемой культурно-политической реальностью, а не только пропагандистским мифом. Амнезия на традиционные связи как эффект высокой мобильности является, по-видимому, необходимым моментом любой национальной мобилизации, особенно гражданского типа, выстраивающейся поверх сложившихся систем групповой лояльности (этнической, религиозной, региональной, языковой и т.д.). Этот момент требует дополнительного изучения, поскольку он недооценивается в националистической идеологии, акцентирующей главным образом аспект памяти в контексте изобретенных традиций или памяти о «протонациональных корнях» современных наций.

Заключение

Итак, в зависимости от уровня факторов, вызывающих социальные амнестические эффекты, и с опорой на концептуальные дистинкции Т. Парсонса и Д. Истона мы различаем системный, структурный и акторный типы социальной амнезии. Данная типология позволяет, на наш взгляд, представить социальную амнезию как системный и дифференцированный феномен. Это также значит, что амнезия как тип социальной забывчивости не может трактоваться сугубо негативно — как некая патология общества, подобно амнезии как медицинскому случаю. Социальная амнезия может как создавать риски для ее носителей, так и открывать новые возможности для успешной адаптации в стремительно меняющемся мире. И как видно из проведенного выше анализа, строго очерченный концепт социальной амнезии намечает целый ряд еще далеко не реализованных исследовательских перспектив, в особенности для политической философии и антропологии. В первую очередь это вопрос о технологиях «нейролингвополитики памяти», продуцирующей амнестические эффекты в контексте «организованного забвения». Данный вопрос становится особо актуальным в новейшую эпоху постправды и беспощадной политкорректности. Не исчерпан и вопрос о месте различных типов амнезии в разрушении и формировании социальных идентичностей. В особенности представляет интерес для дальнейшего изучения роль структурной амнезии как условия строительства наций в эпоху новых медиа.

Литература

1. Beiner, G. (2018), *Forgetful Remembrance. Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*, Oxford: Oxford University Press.
2. Lampropoulos, A. and Markidou, V. (2010), Introduction: Configuring Cultural Amnesia, *Synthesis: an Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*, no. 2, pp. 1–6. <https://doi.org/10.12681/syn.16485>
3. Plate, L. (2016), Amnesiology: Towards the study of cultural oblivion, *Memory Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 143–155. <https://doi.org/10.1177/1750699915596016>
4. Поцелуев, С.П. (2020), Амнезия как тип социальной забывчивости: к уточнению концепта, *Вестник Томского государственного университета*, № 461, с. 84–91. <https://doi.org/10.17223/15617793/461/10>
5. Sell, A. J. (2016), Applying the intentional forgetting process to forgiveness, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, vol. 5, no. 1, pp. 10–20. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2015.10.003>
6. Buckley-Zistel, S. (2006), Remembering to Forget: Chose Amnesia as a Strategy for Local Coexistence in Post-Genocide Rwanda, *Africa: The Journal of the International African Institute*, vol. 76, no. 2, pp. 131–150, <https://doi.org/10.3366/afr.2006.76.2.131>

7. Nagle, J. (2018), Defying state amnesia and memory war's: non-sectarian memory activism in Beirut and Belfast city centers, *Social & Cultural Geography*, vol. 21, no. 3, pp. 380–401. <https://doi.org/10.1080/14649365.2018.1497191>
8. Kумыков, А. М. (2014), Social Amnesia in the Construction Paths of Historical Reality, *Middle East Journal of Scientific Research*, vol. 19, no. 5, pp. 693–696. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2014.19.5.21012>
9. Sorbo, E. (2016), Ruins of Memory: A Sustainable Conservation for the Material and Immaterial Values of the Former Psychiatric Hospitals in Italy, *Procedia Engineering*, no. 161, pp. 2198–2202. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.08.815>
10. Живой, А. С. (2017), Социальная амнезия как компонент социальной памяти, *Гуманитарий Юга России*, т. 6, № 4, с. 198–205. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.4.19>
11. Parsons, T. (1977), *Social Systems and the Evolution of Action Theory*, London, New York: Collier-Macmillan, The Free press.
12. Easton, D. (1953), *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*, New York: Alfred A. Knopf.
13. Jacoby, R. (1975), *Social amnesia: a critique of conformist psychology from Adler to Laing*, Boston: Beacon Press.
14. Horkheimer, M. and Adorno, T. W. (1969), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Frankfurt a. M.: Fischer Verlag.
15. Connerton, P. (2008), Seven types of forgetting, in *Memory Studies*, no. 1, p. 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
16. Kurz, R. (2009), *Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft*, Frankfurt a. M.: Eichborn.
17. Фрейд, З. (1990), Психопатология обыденной жизни, в: Фрейд, З. *Психология бессознательно-го: Сборник произведений*, М.: Просвещение, с. 202–309.
18. Оруэлл, Дж. (2021), *Скотный двор*. 1984, М.: Мартин.
19. Verovšek, P. J. (2014), Unexpected Support for European Integration: Memory, Rupture, and Totalitarianism in Arendt's Political Theory, *The Review of Politics*, no. 76, pp. 389–413. <https://doi.org/10.1017/S0034670514000308>
20. Арендт, Х. (2008), *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*, М.: Европа.
21. Арендт, Х. (1996), *Истоки тоталитаризма*, М.: ЦентрКом.
22. Ассман, Я. (2004), *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, М.: Языки славянской культуры.
23. Ассман, А. (2014), *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, М.: Новое литературное обозрение.
24. Askitas, N. (2018), On the Interplay Between Forgetting and Remembering, in: Thouvenin, F. et al. (eds), *Forgetting in the Digital Age. Law, Governance and Technology Series*, vol. 38, Cham: Springer, pp. 135–147. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90230-2_10
25. Хальбвакс, М. (2005), *Коллективная и историческая память*. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 14.01.2022).
26. Burke, P. (1997), History as Social Memory, in: Burke, P. *Varieties of Cultural History*, Ithaca, Cornell University Press, pp. 43–59.
27. Gross, T. (2002), Anthropology of Collective Memory: Estonian National Awakening Revisited, *Trames*, 2002, vol. 6, no. 4, pp. 342–354.
28. Barnes, J. A. (1947), The Collection of Genealogies, *Rhodes-Livingstone Journal*, no. 5, pp. 48–55.
29. Culwick, A. T. and Culwick, G. M. (1935), *Ubena of the rivers*, London: George Allen & Unwin.
30. Эванс-Причард, Э. Э. (1985), *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов*, М.: Наука.
31. Ассман, А. (2017), *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*, М.: Новое литературное обозрение.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Поцелуев Сергей Петрович — д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц.; spotselu@mail.ru

On the Typology of Social Amnesia

S. P. Potseluev

Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

For citation: Potseluev S. P. On the Typology of Social Amnesia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 557–568.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.312> (In Russian)

The purpose of the article is to clarify the concept of social amnesia, which often does not differ in modern research works from other manifestations of social forgetfulness. The author offers a general typology of this phenomenon, based on the conceptual distinctions introduced by T. Parsons and D. Easton. These refer to the difference between a social system and an actor, on the one hand, and the difference between a social group and grouping, on the other. Accordingly, the author identifies three types of social amnesia: systemic, structural, and actor one. The article draws attention to the difficulties of conceptualizing actor and structural amnesia, since they are often mixed with organized (prescribed) oblivion or the pragmatics of forgetting, complementing the process of memorization. To clarify these points, the author turns to the experience of studying the amnesic effects generated by the totalitarian organization of oblivion. To this end, the article analyzes the understanding of totalitarian amnesia in the artistic images of George Orwell, as well as in the concepts of Hannah Arendt that are consonant with them. The author emphasizes that the totalitarian “neuro-linguistic politics of memory” gives rise to amnesic effects regarding the past primarily in its living witnesses, and not only in future generations. Further, the author clarifies the concept of structural amnesia, which has received a contradictory interpretation in modern social sciences and humanities. In this regard, the article discusses the significant role of structural amnesia in the destruction but also in the formation of social identities. Based on the cases presented in the scientific studies to this topic, the author raises the question of the specifics of structural amnesia as an effect of social modernization and high mobility in the formation of national identities at micro- and macro-level.

Keywords: systemic amnesia, structural amnesia, actor amnesia, social forgetfulness, organized oblivion, social identities, social mobility.

References

1. Beiner, G. (2018), *Forgetful Remembrance. Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*, Oxford: Oxford University Press.
2. Lampropoulos, A. and Markidou, V. (2010), Introduction: Configuring Cultural Amnesia, *Synthesis: an Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*, no. 2, pp. 1–6. <https://doi.org/10.12681/syn.16485>
3. Plate, L. (2016), Amnesiology: Towards the study of cultural oblivion, *Memory Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 143–155, <https://doi.org/10.1177/1750699915596016>
4. Potseluev, S.P. (2020), Amnesia as a Type of Social Forgetfulness: Towards Refining the Concept, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 461, pp. 84–91. <https://doi.org/10.17223/15617793/461/10> (In Russian)
5. Sell, A.J. (2016), Applying the intentional forgetting process to forgiveness, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, vol. 5, no. 1, pp. 10–20. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2015.10.003>
6. Buckley-Zistel, S. (2006), Remembering to Forget: Chose Amnesia as a Strategy for Local Coexistence in Post-Genocide Rwanda, *Africa: The Journal of the International African Institute*, vol. 76, no. 2, pp. 131–150. <https://doi.org/10.3366/afr.2006.76.2.131>
7. Nagle, J. (2018), Defying state amnesia and memory war’s: non-sectarian memory activism in Beirut and Belfast city centers, *Social & Cultural Geography*, vol. 21, no. 3, pp. 380–401. <https://doi.org/10.1080/14649365.2018.1497191>

8. Kumykov, A. M. (2014), Social Amnesia in the Construction Paths of Historical Reality, *Middle East Journal of Scientific Research*, vol. 19, no. 5, pp. 693–696. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2014.19.5.21012>
9. Sorbo, E. (2016), Ruins of Memory: A Sustainable Conservation for the Material and Immaterial Values of the Former Psychiatric Hospitals in Italy, *Procedia Engineering*, no. 161, pp. 2198–2202. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.08.815>
10. Zhivoi, A. S. (2017), Social amnesia as a component of social memory, *Gumanitarii Iuga Rossii*, vol. 6, no. 4, pp. 198–205. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.4.19> (In Russian)
11. Parsons, T. (1977), *Social Systems and the Evolution of Action Theory*, London, New York: Collier-Macmillan, The Free press.
12. Easton, D. (1953), *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*, New York: Alfred A. Knopf.
13. Jacoby, R. (1975), *Social amnesia: a critique of conformist psychology from Adler to Laing*, Boston: Beacon Press.
14. Horkheimer, M. and Adorno, T. W. (1969), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Frankfurt a. M.: Fischer Verlag.
15. Connerton, P. (2008), Seven types of forgetting, *Memory Studies*, no. 1, pp. 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
16. Kurz, R. (2009), *Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft*, Frankfurt a. M.: Eichborn.
17. Freud, S. (1990), The Psychopathology of Everyday Life, in: Freud, S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo: Sbornik proizvedenii*, Moscow: Prosveshchenie Publ., pp. 202–309. (In Russian)
18. Orwell, G. (2021), *Animal Farm. 1984*, Moscow: Martin Publ. (In Russian)
19. Verovšek, P. J. (2014), Unexpected Support for European Integration: Memory, Rupture, and Totalitarianism in Arendt's Political Theory, *The Review of Politics*, no. 76, pp. 389–413. <https://doi.org/10.1017/S0034670514000308>
20. Arendt H. (2008), *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
21. Arendt, H. (1996), *The Origins of Totalitarianism*, Moscow: TsentrKom Publ. (In Russian)
22. Assman, J. (2004), *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*, Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
23. Assman, A. (2014), *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
24. Askitas, N. (2018), On the Interplay Between Forgetting and Remembering, in: Thouvenin, F. et al. (eds), *Forgetting in the Digital Age. Law, Governance and Technology Series*, vol. 38, Cham: Springer, pp. 135–147, https://doi.org/10.1007/978-3-319-90230-2_10
25. Halbwachs, M. (2005), *Historical Memory and Collective Memory*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed: 14.01.2022). (In Russian)
26. Burke, P. (1997), History as Social Memory, in: Burke, P. *Varieties of Cultural History*, Ithaca, Cornell University Press, pp. 43–59.
27. Gross, T. (2002), Anthropology of Collective Memory: Estonian National Awakening Revisited, *Trames*, 2002, vol. 6, no. 4, pp. 342–354.
28. Barnes, J. A. (1947), The Collection of Genealogies, *Rhodes-Livingstone Journal*, no. 5, pp. 48–55.
29. Culwick, A. T. and Culwick, G. M. (1935), *Ubeno of the rivers*, London: George Allen & Unwin.
30. Evans-Prichard, E. E. (1985), *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
31. Assman, A. (2017), *Is time out of joint? Rise and fall of the time regime of Modernity*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Received: July 2, 2022
Accepted: April 15, 2023

Author's information:

Sergey P. Potseluev — Dr. Sci. in Political Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor;
spotselu@mail.ru